

КОРОЛЬ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ФЭНТЕЗИ

Андрей БЕЛЯНИН

Багдадский вор

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б44

Иллюстрация на переплете и в тексте — *Олег Селезнёв*

Белянин, Андрей Олегович.

Б44 Багдадский вор; Посрамитель шайтана; Верните вора! / Андрей Белянин. — Москва : Эксмо, 2024. — 768 с.

ISBN 978-5-04-197901-0

Воистину в Багдаде было все спокойно... пока не появился он! Говорят, что в древнейшем городе вновь объявился знаменитый Багдадский вор, и теперь стража правителя Селима ибн Гарун аль-Рашида сбилась с ног, пытаясь его поймать! Но храбрые стражники и представить не могли, что за личиной легендарного преступника скрывается наш современное, потомственный русский дворянин Лев Оболенский, волей одного нетрезвого джинна перемещенный на Ближний Восток!

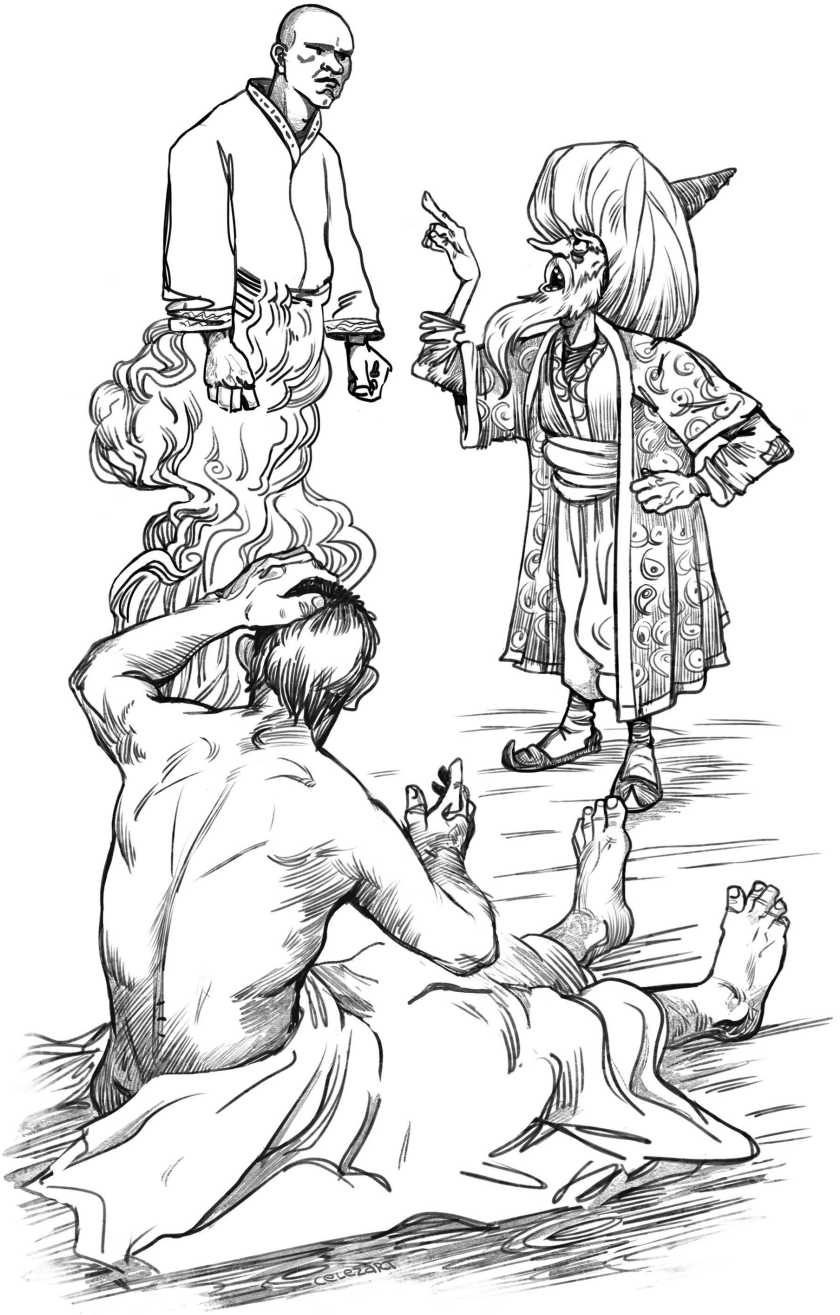
УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-197901-0

© Белянин А.О., текст, 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

**БАЛДАДСКИЙ
ВОР**

Б *исмиллях ир-рахман ир-рэхим!*

Вознесём молитву к престолу Всевышнего и с молитвой начнём наше повествование. Воистину велик и мудр Аллах и бессмертны деяния его... Ибо осенил он благодатью своей души правоверных и возвёл к небесам руки свои, извечно благословляя славный город Багдад. И правил тем городом могучий эмир Селим ибн Гарун аль-Рашид, чьё громкое имя из века в век будут прославлять благодарные мусульмане. Сурово искоренил он один из самых страшных пороков души человеческой — воровство! Зорки были его стражи, неподкупны судьи и суровы палачи: кровь рекой лилась на плахах, и ни один грешник не избежал заслуженной кары! Но горек был день, когда на улицах спящего Багдада появился молодой человек с кожей белой, как снега Шахназара, и глазами голубыми, как купола Бухары, а гордое имя его звучало подобно бубнам Хочкара — Лев Оболенский!

Очень коротенькая биографическая справка: «Оболенский Лев Николаевич, 1967 года рождения, русский, прописан и проживает в городе Москве. Женат, имеет годовалого сына, работает помощником прокурора. Рост выше среднего, телосложение крупное, волосы тёмно-русые, кудрявые. Действительный член Дворянского собрания России, потомок древнего аристократического рода. Всего в жизни добивался сам...» Натура разносторонняя, увлекающаяся, что, впрочем, не мешает ему иметь трезвый взгляд на реальные вещи. До описываемых нами событий ни в чём предсудительном не участвовал, фантастику не читал и всё произошедшее с ним долгое время скрывал даже от друзей. Мы были знакомы достаточно давно, но встречались редко: я не каждый день бываю в Москве, он в Астрахани — ещё реже.

Так вот, год назад, случайно прочтя мою автобиографическую книгу о приключениях тринадцатого ландграфа, Лев позвонил

и поделился очень загадочной историей. Проблема переселения душ и множественности воплощений человека на этой земле волновала умы не одного поколения. Думается, что этот рассказ внесёт свою скромную лепту и, быть может, послужит для кого-то уроком. К моему дружескому предложению написать что-либо на эту тему сам Оболенский отнёсся довольно скептически. Мне так и не удалось убедить его в том, что вся эпопея, сделавшая его знаменитым Багдадским вором, в должной мере оригинальна и поучительна. Но увы... Прочтя мои первые намётки романа, Лев сказал, что это никому не будет интересно, потому как тысячу раз уже было и в кино, и в литературе, — и наотрез отказался ставить своё имя в соавторах. А посему прошу видеть во мне, а не в господине Оболенском, истинного автора сего повествования. Итак...

Лев не верил в сказки. Москва вообще очень быстро отбивает у своих детей веру в чудеса. Слезам столица традиционно не верит, но щедро наделяет взамен холодным практицизмом, трезвой расчётливостью, привычкой полагаться исключительно на себя и собой, только москвичам присущей гордостью. Приезжие единодушно называют москвичей высокомерными снобами. Это ложь! С полной ответственностью заявляем, что настоящие, коренные жители столицы — народ общительный, хлебосольный и чрезвычайно деловитый. Если вы приехали сюда в первый раз — вам не откажут в ночлеге, накормят ужином, поддержат советом, но, увы, на этом всё. Превыше всего москвичи ценят в человеке самостоятельность. Тебе помогли? На следующее утро берись за дела, барахтайся как можешь, но выплывай сам. Сажать тебя на шею никто не обязан... Думаю, что подобное лирическое отступление немного поможет вам понять характер нашего героя и не удивляться, почему он порой поступал так или иначе.

Дело в том, что памятным утром середины января позапрошлого года на Льва Оболенского неожиданно свалились самые настоящие чудеса. Сначала был сон... Длинный, маловразумительный сон, мучивший его почти полночи. Лев дважды просыпался в холодном поту, ругался, чашками пил кофе на кухне, ложился вновь, но сон возвращался с завидным постоянством. Чёткого сюжета в нём не было, а суть неизбежно сводилась к одному — к смерти! Вроде бы он, Лев Николаевич, разгуливает по сказочной Бухаре, словно сошедшей со страниц «Тысячи и одной ночи». Щёлкает дорогим фотоаппаратом, грызёт арахис в меду, чуть улыбается проходящим

красоткам в чадрах и, как вежливый российский турист, никого не обижает. Шумит восточный базар: размахивают руками крикливые торговцы; взад-вперёд снуют босоногие мальчишки; нищие, гнушая, просят подаяния... А небо над головой — синее-синее, облака белые-белые, и огромный диск солнца похож на золотой казан самого эмира! Утомлённый Лёвушка останавливается в тени навеса торговца редкими тканями. Вытирает пот со лба, улыбаясь, пытается на пальцах объяснить хозяину, что ничего не покупает, зашёл просто так... Лицо лавочника становится злым, он хватает Оболенского за руку и тонко кричит на весь базар:

— Этот человек — вор! Он украл тени! Он наслаждался её прохладой и не заплатил ни таньга!

Сначала москвич громко смеётся, как бы над удачной шуткой... Но когда появлялась какая-то устаревшая стража... с копьями, криковыми мечами... и его пытались обезглавить прямо у прилавка — за воровство! — Лев кричал и... просыпался. Во второй раз всерьёз обеспокоенная жена предложила ему валерьянки. Оболенский встал, с тоской взглянул на часы и, поняв, что уснуть всё равно не удастся, отправился в ванную. После душа и завтрака с остатками вчерашнего торта он не придумал ничего умнее, кроме как отправиться на работу. Контора открывалась в девять, но Лев счёл, что вполне убедит ночного охранника пропустить его в такую рань. Следующее действие произошло на улице, сразу по выходе из подъезда. К нему привязался старый узбек, один из тех бродячих попрошайек, что заселили сейчас едва ли не весь Киевский вокзал. Старик, видимо, не знал ни слова по-русски, только кланялся и, поминая Аллаха, совал под нос Льву затёртую до дыр тибетейку. Москвичи не любят давать милостыню, особенно тем, кто её, по сути, вымогает. После третьей попытки обойти настырного старика Оболенский всплиил, достал из кармана рубль и приготовился высказать азиату всё, что он думает об их занюханном, но суверенном Востоке. А старый узбек вдруг, глаза в глаза, уставился на молодого помощника прокурора, хлопнул себя тибетейкой по колену, ощерив в улыбке редкие острые зубы:

— Ай, шайтан! Якши шайтан! Весь Багдад его ищет, а он тут гуляет... Настоящий шайтан, клянусь бородой пророка Мухаммеда! — И узкоглазый дедок вновь забормотал что-то узбекское, бодро хромая в обратную сторону. Лев от избытка чувств шумно выругался матом, нарвавшись на ответное воронье карканье с бли-

жайшего мусорного ящика. Третье событие произошло по дороге на работу и оказалось роковым. Москва — деятельный город: даже если вы отправляетесь на работу в шесть утра, то всё равно пойдёте в плотной толпе таких же «ранних пташек». У каждого свои планы, свои заботы, свои сложности — до ваших проблем никому дела нет. И всё-таки Лев не мог отвязаться от ощущения того, что за ним кто-то следит. Сначала он гнал от себя это чувство, как первый признак паранойи. Потом начал невольно оглядываться в поисках того, кто так упорно сверлил его спину взглядом. На улице, в троллейбусе, в переходах метро, в поезде — везде его преследовали незнакомые глаза, колючие, как рентгеновские лучи. Они были повсюду — слева, справа, сзади, сверху, снизу. Лев всей кожей ощущал нереальную физическую мощь направленного взгляда, но никак не мог встретиться с преследователем глаза в глаза... Сначала это даже тревожило, потом стало раздражать! Дворянская кровь Оболенских никогда не отличалась долготерпением, а уж о трусости в их роду вообще не слышали. Когда разгорячённый невидимым соглядатаем Лев встал на пороге своей конторы и резко обернулся, его голос действительно походил на рык царя зверей:

— Какого чёрта?! А ну выходи, подлец, и поговори со мной как мужчина с женщиной! Или, клянусь Аллахом, я...

С чего ради он стал клясться светлым именем всевидящего и всемилостивейшего, Лев не в состоянии объяснить до сих пор. Видимо, слишком много восточного в тот день свалилось ему на голову... А в ту скорбную минуту его ботинок самопроизвольно соскользнул с порога госучреждения, и благородный господин Оболенский всем весом опрокинулся на спину, тяжело ударившись затылком о холодный асфальт. Как его поднимали, вызывали «Скорую» и везли в больницу — он не помнил. Главным для нашего рассказа остаётся одно: молодой человек впал в глубокую кому, и всё, что мы знаем о его тогдашнем состоянии, почерпнуто из скудных строчек медицинских отчётов:

«...дыхание ровное, пульс непрерывный. Больной не реагирует на посторонние раздражители. Отечественная медицина не располагает средствами, способными эффективно улучшить состояние пациента. Ведутся переговоры с американской клиникой в Нью-Джерси. Их опыт работы с больными в состоянии комы более обширен, хотя, по утверждению самих американских специалистов, полной гарантии у них тоже нет...»

ГЛАВА 1

Путешествие в Арабские Эмираты
со скидкой, в багажном отделении...

Всё ещё Горящие Путёвки

Лев пришёл в себя от невразумительного шума. Два голоса, яростно споря, ругаясь и перекрикивая друг друга, пробивались в его затуманенное сознание... Сначала он даже счёл их появление новым дурацким сном. Глаза открывать не хотелось по причине безумно болевшего затылка, наверняка его стукнули паровозом... Что такое паровоз, Лев не знал, но почему-то был уверен, что эта штука очень тяжёлая. Он ощущал своё тело непривычно лёгким, руки и ноги словно висели в воздухе, а вот припомнить, что конкретно с ним произошло и где он сейчас находится, — никак не удавалось. Не желая усложнять себе жизнь натужным шевелением мозгами, Оболенский расслабился и более благосклонно прислушался к настырным голосам, продолжающим незаконченный спор...

— Ты старый, бесполезный, пьяный, тупоумный джинн! Кого ты мне притащил, чтоб Азраил пожрал твою печень?!

— Я не старый... Мне всего двенадцать тысяч лет, а по меркам джиннов...

— У-и-ий, он ещё спорит со мной?! Ты прожил столько веков, а ума в твоей пустопорожней башке — как в пересохшей тыкве! Не позорь мою седую бороду, скажи, ради Аллаха, кого ты приволок в эту хижину?

— Ты просил молодого сильного человека, не знающего страха перед законом, смеющегося над эмиром, плюющего на происки шайтана и, самое главное...

— Самое главное, ослоподобный Бабудай-Ага, чтобы он был неместным и никто не знал его в лицо!

Здесь разговор прекращается по причине длинного перечисления цветистых арабских ругательств. Тот, кого называли джинном (или Бабудай-Агой), оправдывался односложно и как бы нехотя. Зато второй, чей визгливый, старчески дребезжащий голос буквально резал уши, украшал свои проклятия столь поэтичными образами, что Лев невольно заслушался. Каждый аксакал на Востоке — обязательно мудрец, а каждый восточный мудрец руга-

ется очень поэтично... Это юным и влюблённым позволено по глупости облекать свои мелкие страсти в дивные узоры рифмосплетённых строчек. Человек, поживший на свете, знает, как скоротечна молодость, а потому тратит благословенный дар Аллаха исключительно на ругань! Ибо в этом есть свой высший смысл передачи мудрости уходящего поколения легкомысленным юнцам, иначе они просто не поймут... Вот нечто такое и пытался донести до всего белого света неизвестный старик, распекающий неизвестного джинна. Оболенский попытался повернуться на бок, но тело отказывалось ему повиноваться, и он вновь сосредоточил внимание на голосах, которые звучали теперь так близко, что уши начинали побаливать...

— Мне был нужен вор! Самый ловкий, самый неуловимый, самый искусный вор, чьё имя с восторженным придыханием проносили бы от вершин Кафра до низовий Евфрата. Его глаза должны быть подобны зелёным очам кошки из Сиама, руки — сильны и упруги, словно клинки Дамаска, шаг — неуловим и лёгок, подобно златотканым вуалям Каира...

— Вах, вах, вах... как красиво ты говоришь, господин мой!

— Я тебе не о красоте говорю, о козлоподобный сын безвольного шакала! Я спрашиваю: кого ты мне притащил?!

— Хозяин, он сильный, смелый очень и умный тако-ой... Я два раза проверял, снами мучил, денег просил, присматривался, клянись Аллахом!

— Не смей произносить имя Аллаха, светлого и великого! О моё старое сердце, оно не выдержит праведного гнева, гложущего мои бранные кости... Молчи, молчи, гяур лукавый!

— Ну гяуром-то зачем обзывать...

Лев почувствовал, как у него чешется нос. Поверьте, человек может стойко перенести многое, но когда нет возможности почесать там, где чешется, — это одна из самых страшных пыток в мире. Может быть, его, спящего, укусил комар, может быть, по носу пробежал муравей, может быть, даже намеревался вскочить прыщ какой-нибудь — не важно... главное, что Лев Оболенский всеми мыслимыми и немыслимыми усилиями поднял казавшуюся эфемерной руку и упоённо поскрёб переносицу. Оба голоса дружно слились в единый вздох то ли умиления, то ли разочарования. Не прерывая почёсывания, наш герой открыл наконец глаза. И... закрыл почти сразу же, так как увиденное ничуть его не обрадовало. Вроде бы

он лежит абсолютно голый на старом, давно не стиранном одеяле прямо на полу в грязнейшей хибарке, а рядом с ним препираются, сидя на коврике, два странных субъекта. Один маленький и какой-то коричневый, другой высоченный и чёрный, как негр.

— Вай дод! У него ещё и глаза голубые?! О недоношенный щенок чёрной пустынной лисы, я в последний раз тебя спрашиваю: кого ты мне притащил? Кожа белая, как брюхо у лягушки; плечи широкие, как у бурого медведя; пальцы тонкие, как у продажной женщины; глаза голубые, как... О, храни Аллах, какой урод!!!

— Там, где я его брал, все такие страшные...

Вот тут уж господин Оболенский не сдержался. Во-первых, он решительно открыл глаза и огромным усилием воли сел. Голова сразу закружилась, но он не позволил себе даже малейшего проявления слабости. Во-вторых, Лев набрал полную грудь воздуха, чтобы обрушиться на грубиянов, но не успел. Он неожиданно поймал себя на том, что смотрит сквозь чёрного гиганта, словно бы тот был не из плоти и крови, а из закопчённого стекла.

— Господи Иисусе... — изумлённо сорвалось с его губ.

— Ва-ах... — на почти истерическом писке выдал старый, как карагач, дедок в застиранном халате и драной чалме. — Так он ещё и неверный! Христианин! О жёлтые почки протухшего верблюда, ты что, не мог найти кого-нибудь в мусульманском мире?! Сейчас же отнеси его обратно!

— Это второе желание? — уточнил джинн. — Тогда слушаю и...

— Не-е-ет!!! — быстро опомнился старик, обеими руками цепко схватив Оболенского за ухо. — Он — мой! Я передумал! Вай... позор на мою седую голову... Как я могу подготовить себе достойную замену и навек отрешиться от дел, посвятив помыслы Аллаху, если бестолковый джинн приволок мне такое чудовище...

— А... вы о ком это? — Праведный гнев Льва мгновенно улетучился, сменившись скорее жадным любопытством, усугубившимся тем, что в голове у него было абсолютно пусто. И пусто, к сожалению, в самом страшном смысле этого слова...

— Вай мэ... — безнадёжно махнул рукой словоохотливый владелец чалмы. — Куда деваться, приходится брать, что дают... Скажи мне своё имя, о страшнейший и уродливейший из всех юношей Багдада!

— Не помню... — неожиданно для самого себя выдал наш герой.

— Как так не помнишь?!

— Так.. не помню. И ухо моё отпустите, пожалуйста.

— Кто ты такой? Кто были твои родители? Чем ты занимаешься, какому ремеслу обучен? Откуда родом?

— Не знаю. Не помню. Понятия не имею, — честно отвечал Лев, а старичка, похоже, вот-вот должен был хватить сердечный приступ.

— Ходил ли в медресе? Читал ли Коран? Чтишь ли Аллаха, всемилостивейшего и всемогущего?!

— Хозяин, он же христианин... — тихо вмешался Бабудай-Ага, но тут же получил своё:

— А ты вообще молчи, тяжёлый аромат коровьего помёта! Я просил доставить ко мне умного, красивого, вежливого юношу из хорошей семьи, с благородными манерами, правоверного мусульманина... А это что?! Неизвестно кто неизвестно откуда?!

— Тот, кого ты описываешь, аксакал, ни за что на свете не согласился бы стать вором, — резонно возразил джинн. — А этот молодой человек будет в твоих руках послушной глины под пальцами умелого гончара.

— Я вспомнил! Вспомнил! — Обсуждаемый объект подпрыгнул на тряпках и выпрямился во весь рост. — Я — Лев Оболенский!

ГЛАВА 2

Тут я понял — это джинн, он ведь может многое...
Он ведь может мне сказать — враз озолочу!
Ваше предложение, говорю, — убогое.
Морды будем бить потом, я вина хочу!

В. Высоцкий.

Из куплетов к «Старику Хоттабычу»

К сожалению, это оказалось единственным, что злая судьба даровала бывшему помощнику прокурора. Он сумел вспомнить только своё имя, ни больше ни меньше... Быть может, джинн как-то неправильно провернул волшебное заклинание или удар затылком об обледеневший асфальт не прошёл бесследно, — беднягу поставили перед свершившимся фактом. Лев абсолютно ничего не помнил, но врождённый оптимизм и непоколебимая вера в собственные силы всколыхнули в нём ту неистребимую, вечную жажду жизни, столь характерную для каждого истинно русско-

го человека. Пусть он ничего не помнит и не знает, пусть он наг и одинок, но руки и ноги пока целы, голова на месте, а значит, он сумеет найти своё место даже в этом чужом мире! И ещё посмотрим, кому будет хуже...

Старика в чалме звали Хайям ибн Омар. Лев был убеждён, что где-то уже слышал это имя, но, естественно, никак не мог припомнить где. Характер у старого Хайяма был вздорный, внешность — вроде сморщенной луковицы с козлотородой порослью. Как понял Оболенский, в молодости дедок отличался завидной крутизной нрава и наводил шороху везде, где мог. То ли был великим разбойником, то ли вором, то ли аферистом — в общем, крупным спецом по криминальной части... На старости лет начал пить, отсюда впадать в философию, пописывать нравоучительные стишки и вести в целом законопослушный образ жизни. В те времена власти решили ужесточить режим контроля над преступным элементом — и многие друзья и ученики старика были казнены на плахе без всякого суда и следствия. Бывший «авторитет» поклялся отомстить, но не сносить бы и ему головы, если бы по воле всемогущего Аллаха не обнаружил он в одном из старинных кувшинов не вино, а настоящего джинна! Бабудай-Ага выполз из горлышка пьяным в стельку, на радостях пообещав дедуле исполнить три его желания. Умудрённый долгими часами размышлений над пиалой с креплёнными напитками, Хайям ибн Омар принял судьбоносное решение — найти себе достойного преемника и, передав ему всё своё мастерство, спустить этот бич божий на мирно спящий эмират. Всё ещё не совсем протрезвевший джинн отправился на поиски и... доставил в близлежащие от Багдада пустыни того самого Льва Оболенского, чьё тело на данный момент в состоянии комы возлежало под капельницей в НИИ Склифосовского. Как получилось, что один человек одновременно находился и тут и там, до сих пор никто не сумел более-менее связно объяснить... Джинн за дорогу быстренько выветрил из головы весь алкоголь, а его теперешний хозяин, не переставая ругаться и жаловаться, носился взад-вперёд по хижине, лихорадочно размышляя: куда бы теперь пристроить этого голубоглазого великана? Внешность Льва мгновенно стала его минусом, а вот потеря памяти, наоборот, плюсом, ибо представляла поистине неограниченные возможности. Чем дедушка и не преминул воспользоваться...

— О возлюбленный внук мой, пользуясь благорасположенностью Аллаха, я спешу раскрыть тебе тайну твоего рождения. Будь проклят шайтан, лишивший тебя памяти... Но преклони свой слух к моим устам и внимай, не перебивая. Ты родился в славном роду великих воров Багдада!

— Вот, блин... Саксаул, а ты точно уверен, что мои предки были большими уголовниками?

— Не саксаул, а аксакал! Аксакал — пожилой, уважаемый человек, а саксаул — это верблюжья колючка! Сколько можно повторять, о медноголовый отпрыск северных медведей?!

— Ладно, не кипятись... Я ж не со зла, просто слова похожие...

Старый Хайям мысленно вознёс молитву к небесам, прося даровать ему долготерпение. На самом деле Лев постоянно ставил своего учителя в тупик совершенно незнакомыми и явно немусльманскими словечками. Нет, память так и не вернулась к нашему герою, но его речь навсегда осталась яркой и самобытной речью молодого россиянина нашего века. Оболенский ни за что не мог бы объяснить, что означает то или иное выражение, но к нему быстро вернулся столичный гонор и особый, присущий только москвичам «чёрный юмор», чаще приписываемый врачам и юристам.

— О'кей, дедушка Хайям! Общую концепцию я уловил, можешь лишний раз не разжёвывать. Родоков себе не выбирают, примиримся с тем, что есть. Ты только поправь меня, если я сойбьюсь с курса партии... Итак, как я тебя понял, все мои предки по материнской линии были валютными аферистами и мастрячили полновесные динары из кофейной фольги. Папашка был карманником, дед — конокрадом, дядя ввел рэкет на караванных тропах, и громкое имя Оболенских громыхало кандалами от Алма-Аты до Бахчисарая. Кстати, как там фонтаны? А, не важно... Стало быть, я с малолетства был передан тебе на воспитание и заколдован злым ифритом, чтоб ему охренеть по фазе конкретно и бесповоротно! Я правильно так цветисто выражаюсь? За пять с лишним лет эмир Багдада публично репрессировал всю мою родню, и они сгнули на Соловках. Тебе же удалось скрыться, подкупить Бабудай-Агу и в конце концов вернуть меня к жизни как общественно полезного члена коллектива. Верблюды моих мыслей дошёл до колдодца твоего сознания, не рассыпав по пути ни зёрнышка смысла из хурджинов красноречия?

— Ва-ах, как он говорит, хозяин... — восхищённо прищёлкнул языком чёрный джинн. — Клянусь Аллахом, у него за плечами целых два медресе!

— Я понял только про верблюда, — сухо откликнулся Хайям, но Льва это ничуть не обескуражило.

— А теперь ты хочешь, чтобы я, как праведный сын нереабилитированного врага народа, взял в руки меч возмездия и обкорнал им бороду эмира? С моей стороны — нон проблем, вопрос лишь в отсутствии специальных навыков. Чёй-то мне кажется, что мой батяня не особо утруждался образованием отпрыска...

— Что ты хочешь сказать? — окончательно запутался дед.

— Я воровать не умею, — честно улыбнулся Оболенский.

— Ах, это... — безмятежно отмахнулся Хайям, и его узловатые пальцы сделали тайный знак наострившему ушки джинну. — Знай же, мой возлюбленный внук, что на самом деле ты являешься величайшим и искуснейшим из всех воров Багдада!

— Не может быть...

— Бабудай-Ага, подтверди! — торжественно приподнялся старик, и джинн, пробормотав привычное «слушаю и повинуюсь», кивнул, скрестив руки на волосатой груди. Массивное золотое кольцо в его носу даже задымилось от напряжения, а Лев ощутил лёгкое покалывание в кончиках пальцев. В хижине потемнело, огонь в очаге пригнулся, словно прячась от ветра, где-то далеко гроыхнули раскаты грома... Потом всё как-то резко оборвалось, на секунду вообще все звуки пропали.

Хитро сощурился и без того невозможно узкие глаза, старый азиат подсел поближе и протянул ладонь. На ней тускло поблёскивала маленькая медная монетка...

— Смотри сюда, видишь — это таньга. Сейчас я её спрячу, отвернись. — Хайям подумал, ощупал чалму, похлопал себя по бокам, порывшись в лохмотьях драного халата и, едва удерживаясь от самодовольного хихиканья, спросил: — Ну, умнейший из молодых юношей с двумя медресе за плечами, где таньга?

— Вот... — Оболенский простодушно разжал кулак, демонстрируя лежащую у него на ладони денежку. Хайям ибн Омар буквально окаменел от такой непревзойдённой наглости, а Бабудай-Ага повалился на пол, гогоча как сумасшедший:

— Он... он обокрал тебя! Клянусь Аллахом, хозяин... этот человек и есть настоящий Багдадский вор! Вай мэ, вай дод, уй-юй-юй!!!

ГЛАВА 3

Даже лев может подавиться костью убитого им зайца...

Безутешная вдова-львица

Вы наверняка задаётесь логичным вопросом: каким образом русский человек так легко и непринуждённо заговорил на древнеарабском или персидском? Увы, мне нечем удовлетворить ваше любопытство... В первую очередь потому, что сам Лев этим таинственным обстоятельством заинтересовался только после того, как я лично его об этом спросил. Оболенский крепко задумался и в недоумении развёл руками — удобнее всего было бы свалить всё на безответственного джинна, тот всё равно не может за себя заступиться... Хотя лично я склоняюсь к одной из версий множественности миров: обычно человек, попадая в некое параллельное измерение, с удивлением обнаруживает способность говорить на всех местных наречиях. В самом деле, если бы владение языком Лев получил от чернокожего Бабудай-Аги, то что мешало джинну даровать ему и полное знание обычаев, традиций, религии и сложных общественных взаимоотношений Востока? Но, как нам известно, говорить Оболенский мог, а вот относительно всего прочего...

— Покажись, о мой высокорослый внук, дай мне ещё раз на тебя полюбоваться! Ах, вай мэ, ты горечь моей печени и печаль селезёнки... Легче одеть в халат самый большой минарет Бухары, чем тебя! А теперь повернись... Не-ет!

«Хр-р-р-р-п-шуп!» — с тихим предательским треском сообщили рукава, превращая халат в жилет. Лев сплонул, помянул шайтана и попробовал присесть. «Хр-р-р!» — раздалось снова...

— М-да... это не джинсы «Леви страус», — раздумчиво признал Оболенский. — Дедушка, ты мне такие колготки больше не бери, я из них вырос. Давай смотаемся до ближайшего фирменного магазина и купим мне приличные брюки.

— У, дебелий нубийский бык... — прикрыв ладонями лицо, простонал Хайям. — Внук мой, ты же вор! Тебе нельзя ничего покупать, ибо это недостойно и оскорбительно для представителей нашего ремесла. Ты можешь только красть!

— Как скажешь, саксаул...

— Аксака-ал!!! Вай дод, что я буду делать с этим недоношенным царём зверей?! Меня поднимет на смех весь Багдад! Как ты сможешь отстоять семейную честь против Далилы-хитрицы или даже самого Али Каирского? Я уж не говорю о сотне молодых Шехмета из городской стражи... Тебя поймают, как только ты сделаешь первый шаг из нашей благословенной пустыни в сторону караванных троп!

— Японский городской, так мы ещё и в пустыне?! — ахнул Лев, впервые за последние два часа заинтересовавшийся тем, что находится за порогом стариковской хижины. Откинув полог, он решительно шагнул наружу и замер, сражённый... Стоял тёплый летний вечер. По линии горизонта, насколько хватало взгляда, высились золотые барханы, с одной стороны залитые оранжевым светом заката, а с другой — играющие глубокими голубыми тенями. Небо над головой казалось пронзительно-синим и кое-где уже искрилось праздничными хрусталиками звёзд. А воздух... Какой освежающий воздух бывает в пустыне на исходе дня! Потомственный русский дворянин, Багдадский вор Лев Оболенский долгое время молчал у забытой богом хижины, восторженно вглядываясь в бескрайние пески и размышляя, почему же всё это кажется ему таким новым и незнакомым...

Хайям ибн Омар поставил эту грубую конструкцию из жердей, шкур и почерневшего войлока ещё в незапамятные времена, когда был куда моложе своего нынешнего «внука». Невысокая гранитная скала сзади укрывала жилище от ветра и дарила тень. Три пальмы, старый колодец, дававший не больше одного ведра воды в день, да скудные запасы муки и риса — вот и всё хозяйство. На самом деле у Хайяма был маленький домик в Бухаре, где он доживал последние годы в обнимку с кувшином, а о старом убежище в пустыне он вспомнил, лишь когда в пьяном угаре поклялся Аллаху найти, для усмирения гордыни эмира, нового, молодого преемника. Всё остальное вы знаете, а потому продолжим...

— Дедуля! Всё, вернулся я. Надышался чистым воздухом и вновь припадаю к стопам твоей мудрости с пылкими лобзаниями...

Оболенский широко распахнул объятия и, поймав не ожидавшего ничего подобного Хайяма, от души прижал старца к могучей груди. Аксакал трепыхался и дёргал ногами в тапочках. Бесполезно... Лев выпустил несчастного, лишь до конца исчерпав весь запас

внучатой любви. Потом, прищурясь, огляделся и шагнул ко второй безответной жертве:

— Бабудай-Ага, какого лешего?! Сидишь тут у огня, уже чёрный весь, копаешься в золе, словно Золушка какая... Давай украдём где-нибудь ящик пива и хряпнем за знакомство?!

— И думать не смей, шайтан кудрявый! А ты куда?! Сядь! На место сядь, о глупейший из джиннов... — мгновенно очнулся старик, как только Бабудай охотно вскочил на ноги, с благодарностью принимая предложение Льва. — Что ещё ты придумал, неразумный отрок?

— А что не так? Я же вроде правильно сказал: «украдём»! Честь профессии превыше всего...

— Остановись! — строго и торжественно попросил Хайям ибн Омар, и на лицо его опустилась тягостная тень воспоминаний. — Послушай старого человека, и ты поймёшь, как страшно расходовать талант, дарованный тебе Аллахом, на низменные цели. Христиане говорят, что «благими намерениями вымощена дорога в ад». Любой мулла подтвердит тебе, что «Мухаммед осеняет благодатью каждого, кто хочет его слушать. Кто не хочет, не услышит слов пророка. Но шайтан сам лезет в уши и к тем, и к другим». По сути своей это одно и то же... Эмир Багдада решил на праведное дело — он возжелал искоренить порок. Любой вор должен получить свою кару! И они получили... Все, от мала до велика. Прощенья не было никому. Сначала виновному отрубали руку... Джигит, укравший у бая коня для уплаты калыма; старик, подбравший плод, упавший с ханского дерева; женщина, схватившая горсть овса для голодных детей; ребёнок батрака, утолявший жажду из арыка богатого соседа... Стражники волокли всех! Ибо порок должен быть наказан, и праведность торжествовала победу на залитых кровью плахах... От закона не уходил никто, и перед законом эмира все были равны!

— Э... я, наверное, хочу извиниться...

— Молчи! Кто тебя учил перебивать старших?! — прикрикнул старик, но, глянув на поникшего Льва, смутился и даже погладил его по голове. — Прости меня, о мой непослушливый внук... Я дряхлый, выживший из ума верблюд, брызгающий слюной на всё, что не поддаётся его пониманию. Ты — молодой, горячий, на твоём челе печать избранности... Прошу тебя — не трать своих сил в погоне за отражением луны в колодце, но накажи эмира!